

18+

Айдай Иманкулова

Королевская роскошь

Том 1

Айдай Иманкулова

Королевская роскошь. Том 1

«Издательские решения»

Иманкулова А.

Королевская роскошь. Том 1 / А. Иманкулова — «Издательские решения»,

Эта легкая и вдохновляющая книга — идеальный подарок для ценителей эстетического удовольствия, который читается на одном дыхании. Под одной обложкой вас ждут две части: захватывающий художественный роман о провинциальной девушке, покоровшей мир высокой моды вопреки безликому оверсайзу, и роскошный артбук. Во второй части перед вами откроется уникальный каталог вечерних платьев в цветочном стиле высокой моды. Погрузитесь в мир красоты, премиальных тканей и чистой визуальной магии!

© Иманкулова А.

© Издательские решения

Содержание

Обращение к читателю	6
Часть I. Роман «Кутюрная флора»	7
Пролог. Свободное падение в Питер	7
Глава 1. Манифест против оверсайза	8
Глава 2. Капсула «Аристократичный фарфор»	10
Глава 3. Капсула «Королевский объём»	12
Глава 4. Капсула «Шёлковые кудри»	13
Глава 5. Каталог Кутюрной флоры: Абсолютная женственность и драма	15
Глава 6. Каталог Кутюрной флоры: Колдовское зелье и режим дедлайна	17
Глава 7. Утонченный коктейль и геометрия. Финал	19
Эпилог. Свободный полет	20
Часть II. Алфавитный каталог «Королевская роскошь»	21
Глава 1. Модель «Альстромерия» — Образ «Перуанский карнавал»	21
Глава 2. Модель «Анемон» — Образ «Графичное сердце»	26
Глава 3. Модель «Антуриум» — Образ «Атласный секрет»	30
Глава 4. Модель «Бегония» — Образ «Ванильный мусс»	34
Глава 5. Модель «Белладонна» — Образ «Ночная симфония»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Королевская роскошь. Том 1

Айдай Иманкулова

Редактор Айдай Иманкулова

Иллюстратор Айдай Иманкулова

Дизайнер обложки Айдай Иманкулова

Иллюстрации DALL-E

Оформление обложки DALL-E

© Айдай Иманкулова, 2026

© Айдай Иманкулова, иллюстрации, 2026

© Айдай Иманкулова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-9143-5 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-9144-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обращение к читателю

Созерцание сакуры через цифровой код

Добро пожаловать на мой виртуальный подиум *Haute Couture*, где строгие законы геометрии переплетаются с хрупким искусством дикой природы. Перед вами уникальный артбук «Королевская роскошь», рождённый на стыке двух миров. Это не просто книга и не обычный каталог одежды. Для меня этот проект стал манифестом абсолютной женственности, который я воплотила в двух совершенно разных форматах.

В первой части — в моём художественном романе «Кутюрная флора» — вы погрузитесь в живую, драматичную историю создания этой вселенной. Вы пройдёте весь путь вместе с главной героиней — от её первых бессонных ночей в питерской съёмной комнате и бунта против безликого оверсайза до триумфа на закрытых светских приёмах. В этот сюжет я заложила реальную драму: вы увидите, сквозь какие слёзы, жёсткие дедлайны и ледяную субординацию рождался этот проект.

Вторая часть — это тот самый легендарный алфавитный каталог коллекции «Королевская роскошь», который моя героиня создавала на ваших глазах. В нём Слово Писателя соединяется с Формой Дизайнера. Каждое платье — от строгой «Каллы» до хищной «Орхидеи» — я разложила по безупречному математическому алфавиту.

Этот альбом — полностью независимый, авторский проект, рождённый из единого творческого замысла от самой первой идеи до финального воплощения. Компьютерные инструменты и графические сети стали для меня послушной цифровой кистью, позволившей с абсолютной точностью перенести тончайшие фантазийные эскизы из воображения на эти страницы.

Я глубоко убеждена, что выразить большую идею можно по-разному. Как писатель я создаю осязаемые миры с помощью букв и метафор. Как дизайнер высокой моды — говорю на языке геометрии кроя, архитектуры линий и пластики премиальных тканей. В этом издании они соединяются.

Авторы не всегда идеальны, но их творения — вечны.

Переверните страницу. Пришло время открыть для себя «Кутюрную флору», перевести скрытый язык растений на язык эксклюзивных вечерних нарядов и узнать, с чего начиналась эта история.

С любовью,

Айдай

Часть I. Роман «Кутюрная флора»

Пролог. Свободное падение в Питер

Эра, когда искренность прятали за холодным глянцем, подходила к своему пику. Санкт-Петербург встретил Алину ледяным, пронизывающим ветром, но внутри неё горела сумасшедшая, почти осязаемая мечта. В рюкзаке лежал красный диплом бакалавра, а в голове — строгий математический алгоритм, способный навсегда перевернуть мир высокой моды.

В этот город она приехала никем: простой девчонкой из провинции, ищущей подработку на Авито, чтобы оплатить копеечную комнату. Девушка стояла на стыке двух миров, глядя, как неоновые огни вечернего мегаполиса отражаются в мокром асфальте, превращая улицы в ожившую акварель. Алина еще не знала, что всего через несколько месяцев её эскизы будут обсуждать на закрытых приемах, и что её привычка строго держать субординацию станет главным вызовом для человека, управляющего многомиллиардной IT-империей. Это был её первый шаг в пустоту. Шаг, с которого началась «Кутюрная флора».

Глава 1. Манифест против оверсайза

Первые недели в Питере встретили Алину бесконечной чередой дождей и шквальных ветров с Невы. Но город не пугал её. Он казался огромным графичным уравнением со множеством переменных, которое ей только предстояло решить. Впереди была ясная цель: магистратура престижного технологического университета, лекции по высшей геометрии и воплощение в жизнь собственных цифровых алгоритмов. Она приехала побеждать, даже если ради этого придётся начинать с нуля.

Но Питер быстро спустил её с небес на землю. Первое, с чем столкнулась Алина — тотальное, давящее одиночество среди миллионов людей и пугающая, безликая мода северной столицы. Город был залит серым, бесформенным оверсайзом. Куда бы Алина ни смотрела — на залитом огнями Невском проспекте, в грохочущих вагонах метро или на строгих университетских кафедрах — её окружали люди-мешки. Женщины добровольно прятали свою природную грацию, изгибы бёдер и тонкие талии в огромные, безразмерные худи, гигантские пуховики и тяжелые трикотажные коконы. Глядя на это засилье трикотажного хаоса, девушка внутренне бунтовала. Для неё, привыкшей к строгой гармонии золотого сечения и безупречной точности линий, этот тренд казался преступлением против женственности. Ей физически не хватало жесткости корсетов, четкости линий и благородного шуршания тяжелого шелка.

— Это не мода, это капитуляция перед холодом, — ворчала Алина, устраиваясь по вечерам в тесной съемной комнатке.

За окном шумел дождь, а по стеклам текли золотые дорожки от бликов проезжающих машин. Именно здесь, под мягким светом настольной лампы, и родился её тайный проект. Алина начала оцифровывать ботанические атласы. Вглядываясь в монитор старенького ноутбука, она увидела то, чего не замечали другие: идеальные, сакральные пропорции природы. Линия лепестка каллы — безупречная математическая парабола. Бутон раскрывающейся розы — строгий, завораживающий логарифмический расчет по спирали.

Пальцы Алины помнили прикосновения к редким отрезам хорошей ткани, и она начала создавать цифровые лекала, способные вернуть женщинам их истинную, царственную роскошь. Никаких бесформенных мешков. Только жёсткие, точеные корсеты, идеальная пластика силуэтов и высокая геометрия лепестков.

Эта безумная идея удваивала нагрузку, требуя от неё не только ночей за компьютером, но и бесконечных часов за швейной машинкой. Единственным человеком, кто знал о её тайне, была Лиза — бывшая однокурсница, которая помогла Алине найти швейные материалы. Заглянув к ней в гости и увидев открытые файлы проекта, Лиза эмоционально замахала руками:

— Алина, ты гений, но ты абсолютно ничего не смыслишь в бизнесе! Мы же целимся на международный рынок, хотим собирать предзаказы со всего мира и закупать эксклюзивные ткани в Дубае или Милане! Английский — это мировой стандарт роскоши. А у тебя в цифровых лекалах половина служебных пометок так и осталась на русском! Никакой фабричный конструктор за рубежом не поймет эту мешанину, если мы отправим файлы на производство. Давай переделай, нужен полный международный охват!

Алине пришлось перестраивать свою строгую систему на ходу. От дикой усталости в её аккуратных чертежах начался настоящий языковой хаос. Голова шла кругом: она судорожно переводила ботанические термины, пыталась заменить привычные русские слова на поэтичное «The Language of Flowers». Но сил катастрофически не хватало, и в файлах проекта вперемишку с английскими техническими стежками так и оставались быстрые карандашные заметки на кириллице.

«Пусть, — упрямо думала Алина, сохраняя очередную двуязычную мешанину на флешку. — Настоящие ценители кутюра увидят в этом хаосе историю моей борьбы, а не выли-

занный студийный глянец. Главное — заставить этот мир снять свои оверсайз-мешки и вспомнить, что такое истинная королевская роскошь».

Глава 2. Капсула «Аристократичный фарфор»

Единственной приземлённой, но непреодолимой проблемой оставалось одно: международный стандарт роскоши требовал безупречного воплощения, а на шёлк, органзу и фурнитуру нужных оттенков требовались огромные деньги. Половину стипендии и скромных сбережений уже сожрали первые метры ткани, а проект был готов лишь на малую часть. Чтобы её «Аристократичный фарфор» не остался лишь набором пикселей в ноутбуке, Алине нужен был стабильный источник дохода, который не отнимал бы ночное время.

Открыв телефон, она вбила в поисковую строку сайт Avito.ru. Алгоритмы выдали подходящую вакансию в один клик: «В крупный IT-холдинг требуется секретарь на ресепшен. Требования: исполнительность, грамотная речь, знание ПК». Чёткий сменный график позволял совмещать работу с парами в магистратуре, а зарплата закрывала базовые нужды и давала шанс покупать материалы.

Накануне собеседования комната Алины окончательно превратилась в поле боя. Из-за жесткой экономии цифровую точность лекал то и дело приходилось адаптировать под суровую реальность. Так, роскошная модель «Фрезия», которая в графическом редакторе светила глубоким, холодным изумрудным оттенком, под стрекот швейной машинки рождалась из случайно раздобытого рулона лавандового атласа. Пальцы Алины ловили прохладу ткани, пока игла пробивала плотное переплетение нитей.

«Пусть этот вынужденный цвет станет фишкой, — устало думала Алина, затягивая очередной жесткий корсет. — Настоящий кутюр рождается в ограничениях. Моя личная флора будет пахнуть хаосом, бессонными ночами и живой, несовершенной жизнью».

Утром Алина оделась строго по суховатому офисному дресс-коду: простая белая рубашка, базовая чёрная юбка, волосы собраны в аккуратный пучок. Никакого вычурного макияжа, никаких дорогих аксессуаров — обычная, скромная студентка. Она даже не догадывалась, какой мощный выигрышный билет держала в руках благодаря своей естественности.

Обычно девушки, мечтающие познакомиться с богатыми и успешными мужчинами уровня Павла, выстраивали сложные, стратегические планы. Они тратили целые состояния в косметических салонах, покупали кричащие дизайнерские наряды и часами караулили его в элитных ресторанах. Но там они натывались на глухую стену из охраны, циничных друзей и фальшивого пафоса. К Павлу было не пробраться. Он привык держать глухую оборону, потому что в каждой такой красавице подсознательно видел «хищницу», охотящуюся за его миллиардами.

У Алины всё произошло с точностью до наоборот. Вместо пяти секунд мимолётного взгляда в шумном клубе она получила приглашение на официальное собеседование в его стеклянный замок в престижном районе Питера. Когда она вошла в этот пугающе роскошный, футуристичный бизнес-центр с мраморными полами и зеркальными стенами, её простая одежда резко контрастировала с холёными, длинноногими нимфами-моделями, которые изредка порхали мимо в облаках дорогого парфюма. Но в её взгляде не было страха. Солнечные лучи пробивали огромный стеклянный атриум насквозь, дробясь на миллионы искр на глянцевых поверхностях.

Когда Павел вошёл в переговорную, Алина встала и вежливо склонила голову в лёгком, уважительном поклоне — сказывалось её строгое провинциальное воспитание. Между ними было ровно два метра полированного стола. Никакого заигрывания. Павел сел напротив, и в эту секунду время внутри залитого солнцем кабинета не просто замедлилось — оно перестало существовать.

Их взгляды встретились напрямую. Это была настоящая дуэль, в которой у Павла впервые за долгое время с треском опустилась циничная светская броня. В чистых, спокойных

глазах Алины не было привычной для него хищной оценки — только звенящая скромность, математическое спокойствие и мягкое достоинство. Она аккуратно поправила край безупречно отглаженной манжета своей белой рубашки.

Павел задавал вопросы, а сам ловил себя на странном чувстве: комната будто замерла. Её голос звучал тихо, но уверенно. Когда Алина протягивала ему распечатанное резюме, их пальцы едва заметно соприкоснулись на долю секунды. Обычный человек бы этого не заметил, но Павла словно ударило током. Он быстро убрал руку, а Алина, не выдержав этого внезапного магнетизма, мягко опустила пушистые ресницы, уводя взгляд чуть в сторону. На её щеках проступил едва заметный, нежный акварельный румянец, выдавая внутреннее волнение. Чтобы скрыть смущение, она тихо и очень удачно пошутила о том, как легко потеряться в таком технологичном замке. Этот тихий голос и полуприщур от яркого солнца окончательно лишили Павла слов. Час пролетел как одна минута, но за всё это время между ними не было сказано ни одного лишнего слова — только чистая, зарождающаяся химия двух душ, спрятанная за идеальной вежливостью.

— Вы нам подходите, Алина, — произнёс Павел, закрывая её резюме и впервые тепло улыбаясь. — Оформляйтесь в отделе кадров. С завтрашнего дня жду вас на рабочем месте.

Алина вежливо кивнула, сдерживая победную улыбку. Простая геометрия Авито сработала лучше любых светских интриг. Она получила эту работу, а Павел, сам того не зная, впустил в свою жизнь девушку, которая пришла переписать все правила его глянцевого вселенной.

Глава 3. Капсула «Королевский объём»

Жизнь Алины превратилась в безупречно настроенный хронометр. Утром — сложные формулы и защита курсовых в магистратуре, днём и до самого вечера — ресепшен в сияющем стеклом и металлом IT-холдинге Павла. График был изнуряющим, но именно эта рутина дала ей то, чего не могла купить ни одна топ-модель Питера — время и привычку постоянного присутствия.

В мире высокой моды и дорогих ресторанов, где привык вращаться Павел, все свидания строились по принципу разовой, оглушительной вспышки. Красавицы тратили недели на подготовку к одному вечеру с ним, но этот конвейер идеальных, глянцевого масок быстро стирался из его памяти. С Алиной же сработал железный закон регулярного контакта. Хотел того Павел или нет, но их миры теперь соприкасались каждое утро. Принести отчёты на подпись, встретить курьера с важными документами, заварить крепкий кофе перед сложным совещанием — эти короткие, ежедневные пятиминутные встречи создавали прочную ментальную связь. Павел видел её разной: сосредоточенной, уставшей, улыбающейся, молниеносно решающей рабочие проблемы. Она незаметно становилась неотъемлемой и очень надёжной частью его повседневной жизни.

Однако, вопреки ожиданиям Павла, Алина не пыталась воспользоваться этим преимуществом. Первые два месяца она держала дистанцию так безупречно, словно субординация была её вторым именем. Никаких лишних улыбок, кокетливых интонаций, заискивающих взглядов или случайных прикосновений при передаче папок. Вежливый, холодный, кристально чистый профессионализм. Алина видела в Павле исключительно генерального директора и работодателя, который вовремя платит ей деньги.

И именно это начало подсознательно задевать и интриговать Павла. Его мужское самолюбие, привыкшее к тому, что женщины вешаются ему на шею при первой же возможности, наткнулось на абсолютный штиль. Проходила неделя за неделей, но эта скромная провинциалка оставалась непробиваемой. В нём проснулся странный, почти спортивный азарт: почему она — единственная в его окружении, кто не пытается им манипулировать и не трепещет перед его миллиардами? Искреннее равнодушие Алины к его статусу сработало лучше любого соблазна — оно заставило Павла самого искать поводы для общения.

Один из таких поводов случился в самый обычный рабочий полдень. Павел застал Алину в офисе за быстрым перекусом прямо у стойки ресепшена. Заметив шефа, она смущенно попыталась убрать пластиковый контейнер. Павел ничего не сказал, но через полчаса молча вернулся из города и поставил перед ней крафтовый пакет с горячим обедом из ресторана быстрого питания.

Это спонтанное свидание на ресепшене под тихий, мерный писк уведомлений Телеграма было наполнено такой искренностью, которой Павел не чувствовал никогда в жизни. Он переступил через свой светский пафос, и они иронично, по-дорамному тепло обедали вместе, обсуждая питерскую слякоть за панорамным стеклом. Павел поймал себя на мысли, что этот простой горячий бургер приносит ему больше удовольствия, чем ужины в мишленовских заведениях. Он оплатил этот заказ в один клик через биометрию терминала доставки, даже не доставая телефон, пока Алина с мягкой улыбкой наблюдала за этим привычным для мегаполиса триумфом цифровых технологий.

Глава 4. Капсула «Шёлковые кудри»

Алина продолжала ломать все шаблоны Павла, и один из таких случаев произошел в дождливый вторник, когда в холдинг без предупреждения нагрянул важный представитель лондонского инвестиционного фонда. Как назло, штатный переводчик Павла намертво застрял в глухой питерской пробке на Обводном канале, а топ-менеджеры в панике переглядывались, не зная, как сгладить неловкую паузу. Иностранец уже начинал хмуриться, чувствуя у себя неуютно.

Алина спокойно поднялась из-за стойки ресепшена. Без тени паники или смущения она подошла к гостю и на безупречном, чистом английском языке с мягким британским акцентом поприветствовала его от лица компании. За пару минут она легко завязала непринуждённый светский small talk, предложила дорогому гостю кофе, проводила его в переговорную и заставила искренне улыбнуться удачной шутке о питерской погоде.

Павел, наблюдавший за этой сценой из-за стеклянных дверей своего кабинета, буквально замер. Его брови удивлённо поползли вверх. Эта простая девочка с Авито не просто варила кофе — внутри неё скрывался острый, подготовленный ум, способный спасти международные переговоры его империи. Когда иностранец прошёл в кабинет, Павел ещё долго смотрел на закрывшуюся дверь, чувствуя, как его интерес к собственному секретарю перерастает во что-то пугающе глубокое.

Этот случай заставил Павла по-новому взглянуть на свой офис. Пространство, которое раньше казалось ему безликим, отлаженным механизмом, теперь обрело фокусную точку. Этим фокусом была Алина. Она по-прежнему идеально соблюдала границы, но Павел всё чаще ловился на том, что ищет её взглядом сквозь прозрачные стеклянные перегородки. Вскоре он заметил у неё под столом большую картонную коробку, из которой выглядывали альбомы для рисования и канцелярия.

— Крупная партия, Алина? — как бы между прочим спросил Павел, остановившись у стойки. — Наш архив заказывал?

Алина слегка смутилась — это был единственный раз, когда её математическое спокойствие на секунду дало трещину. Она аккуратно задвинула коробку носком туфли глубже под стол:

— Нет, Павел Андреевич. Это моё личное. На выходных поеду к ребятам в областной детский дом №3. Попросили привезти материалы для уроков. Раз в месяц помогаю, когда есть время. Не переживайте, на моей работе это никак не сказывается.

— Я и не переживаю, — бросил Павел и прошёл в кабинет.

Но внутри него в этот момент бушевал настоящий шторм. Мужчина, выросший в циничной светской среде, привык к «благотворительности» ради пиара и красивых кадров в соцсетях. Алина же тратила свои редкие, выстраданные выходные без пафоса и публикаций. На фоне фальшивого блеска, который кружился вокруг него годами, она казалась настоящим ангелом из параллельной вселенной. Его защита рушилась, а субординация становилась самой желанной вершиной, которую он был обязан покорить.

При этом за маской спокойствия Алина скрывала жестокую усталость. Павел всё чаще замечал темные круги под её глазами и то, как она буквально засыпает за стойкой. В один из вечеров он вызвал её в свой кабинет. На полированном столе лежала строгая черная коробка.

— Это собственность холдинга, Алина, — сухо, по-деловому произнес Павел, стараясь не выдавать своего трепета. — Мне нужно, чтобы мои сотрудники работали эффективно, а не падали от усталости. Используйте этот передовой софт.

В коробке оказались новейшие AR-очки дополненной реальности и мощный графический планшет. Павел пояснил, что встроенный ИИ-помощник позволит ей моделировать и

рассчитывать лекала прямо в воздухе, переводя трехмерные параболы в готовые цифровые выкройки за секунды. Алина была глубоко смущена такой скрытой заботой, маскирующейся под «производственную необходимость», но гаджет приняла. Это технологическое чудо дало её математическому уму невероятное превосходство: теперь колоссальный объем работы в сорок два платья можно было выполнить всего за один месяц.

Глава 5. Каталог Кутюрной флоры: Абсолютная женственность и драма

Отношения с Павлом медленно, но неотвратимо меняли траекторию, и вместе с этим Алина всё глубже погружалась в его мир — холодный, ослепительный и пугающе чужой. Первая серьёзная трещина пробежала на закрытом светском приёме, куда Павел пригласил её уже не как секретаря холдинга, а как свою личную гостью.

Для Алины это стало жестоким испытанием. Вечер, проходивший в роскошном пентхаусе с видом на ночную Неву, с первых минут встретил её фальшивыми улыбками и оценивающими взглядами. Холёные светские львицы и давние знакомые Павла из модной питерской тусовки сразу почувствовали в скромной провинциалке угрозу. На неё давила лавина чужого превосходства, но настоящий удар ждал впереди.

Накануне приёма одна из завистниц Павла, выискивая хоть какой-то компромат на его новую спутницу, наткнулась в соцсетях на случайное фото её подруги Лизы из швейной мастерской. На заднем плане кадра, в расфокусе, красовался уникальный силуэт платья с фирменным математическим штампом Алины. Решив публично проверить знания «провинциальной выскочки» и выставить её обманщицей, высокая брюнетка в бесформенном дизайнерском оверсайз-костюме, который выглядел как дорогой мешок, подошла к Алине и с ядовитой, приторной улыбкой протянула ей распечатанный скриншот этого наброска:

— Алиночка, а напомниме нам, неразумным, — протянула она, привлекая внимание гостей. — Это платье у нас — «Сирень» или всё-таки «Гортензия»? Вы же у нас, говорят, автор, создательница какой-то там «Кутюрной флоры», должны помнить свои шедевры наизусть.

Алина замерла, вглядываясь в распечатанные метры нарисованного фатина. В ботанике существуют десятки видов-двойников: пионовидные розы, махровые ранункулюсы, японские камелии и цветы сакуры в определённых ракурсах выглядят почти идентично. Пропустив через свой компьютер тысячи природных фракталов и лекал за последние недели, Алина настолько затерла свой взгляд, что в условиях жесткого стресса её уставший мозг просто выдал ошибку. Перед глазами всё плыло.

Помимо бесконечных фасонов, на неё в реальной жизни лавиной давили обычные проблемы: долги по учёбе в магистратуре, сложные бланки из патентного бюро и хронический недосып. Секундная заминка — и по рядам гостей тут же поползли злые, тихие ухмылки и шепотки.

— Посмотрите на неё, «дизайнер»! Она даже собственные платья путает. Всё это дутый пафос, — донеслось из угла.

Этот укол шёл наотмашь. Кое-как дотерпев до конца приёма, Алина вернулась в свою комнату. Едва закрыв дверь, она разрыдалась от бессилия и обиды. В эту ночь её внутренний перфекционизм затянул её в настоящее ментальное болото. Ей казалось, что коллекция должна быть разбита на идеальные кутюрные капсулы, но сама природа сопротивлялась этой логике. На неё одну свалился объём работы целого штата парижского модного дома, и этот хаос медленно сводил её с ума. Руки Алины судорожно сжимали лежащий на столе лоскут плотного бархата — его матовая, тяжелая текстура будто впитывала её слезы, возвращая к реальности.

«Стоп», — вдруг мысленно приказала себе Алина, вытирая слёзы. Крах на светском вечере требовал жестких решений. До этого момента она успела написать три грандиозных, поэтичных описания — для Розы, Каллы и Орхидеи, вложив в них всю душу и расписав каждый лепесток как стихотворение. Они были главными цветами её жизни. Но когда Алина посмотрела на часы и осознала масштаб оставшейся работы, её холодный разум выдал отрезвляющую правду: если выписывать такую ботаническую философию для каждого из сорока двух растений, книга не выйдет никогда. Перфекционизм превращался в ловушку. И тогда она

приняла волевое, истинно кутюрное решение: эти три текста останутся в каталоге как главные жемчужины и манифест её первоначального идеализма, а для остальных тридцати девяти моделей она сделает строгие, лаконичные арт-паспорта.

— Довольно, — прошептала Алина в пустую комнату, согретую лишь мягким желтым светом лампы. — Я не буду подстраиваться под их правила. Я разложу все сорок два платья просто по алфавиту. От А до Я. Как в честном, строгом словаре.

Конечно, для себя, в самом тайном бумажном блокноте, она оставила лёгкие карандашные пометки: какое платье задумывалось как «драма», а какое — как «авангард». Проект наконец-то задышал. Он стал понятным, чётким и готовым к тому, чтобы покорить мир на её собственных правилах. Больше никто и никогда не сможет поймать её на ошибке.

Глава 6. Каталог Кутюрной флоры: Колдовское зелье и режим дедлайна

Взгляд Алины скользнул по аккуратным стопкам отрезов, занявших половину комнаты. Весь этот ручной швейный ад, оплаченный бессонными ночами и тяжелыми сменами на ресепшене, наконец-то обретал осязаемую форму. Теперь, когда цифровые лекала были соединены с реальным шелком и атласом, компромиссов быть не могло.

Экран ноутбука продолжал безжалостно рябить от сотен открытых вкладок. Ранункулюс, анемон, дельфиниум, незабудка — названия экзотических, садовых и полевых растений слились в единый гудящий хаос. Ботанический мир словно испытывал её на прочность. Безусловно, хищную орхидею, безупречную камелию или королевскую розу невозможно было спутать ни с чем даже в полуобморочном от усталости состоянии. Но вся остальная флора превратилась в её сознании в непостижимый, запутанный лабиринт. Ранункулюсы на картинках упорно притворялись пышными пионами, анемоны казались дикими маками, и Алина то и дело ловила себя на мысли, что начинает буксовать на простейших вещах.

Она замерла с занесённым над графическим планшетом стилусом. В ночной темноте комнаты теплый свет настольной лампы смешивался с футуристичным сиянием AR-очков. Стоило сфокусировать взгляд, и в воздухе над столом разворачивались неоновые трехмерные линии будущих корсетов, парящие как хрупкие цифровые созвездия. Внутренний перфекционист, который ещё вчера заставлял её плакать из-за ядовитых ухмылок светской тусовки, снова начал тихо нашептывать: «Остановись. Перепроверь каждый чашелистик. Выучи наизусть все сортовые отличия лютиков от роз. Доведи до стерильного идеала каждую линию, иначе тебя снова поднимут на смех».

Но в этот раз Алина не поддалась на провокацию. Сейчас её холодный математический разум выдал совершенно другую, отрезвляющую правду: если вылизывать каждую рюшу, на эту коллекцию уйдут долгие годы. А у неё не было этих лет. Жизнь вокруг бурлила и требовала решений здесь и сейчас. На рабочем столе Алины вперемешку с эскизами «Колдовского зелья» уже лежали совершенно другие бумаги. Горели сроки по её основным научным разработкам в магистратуре, в патентном бюро требовали немедленных правок сложные юридические бланки на её новые IT-алгоритмы, да и куча других масштабных технологических проектов уже буквально наступала на пятки. Кутюрная коллекция платьев была её страстью, её манифестом, но она не имела права позволить ей похоронить все остальные амбиции.

Алина уверенно опустила стилус на стол и открыла электронный планинг.

— У меня есть ровно один месяц, — вслух произнесла она, и её голос прозвучал удивительно твёрдо в пустой съемной комнате. — Ровно тридцать дней на то, чтобы вдохнуть в этот алфавитный хаос жизнь, полностью завершить сорок два эскиза, прописать к ним паспорта и выпустить книгу в мир.

Она решительно зафиксировала дедлайн в системе. Этот шаг принёс мгновенное, невероятное облегчение. Путаница в голове из ландышей и ранункулюсов никуда не исчезла, но теперь она больше не пугала Алину.

— Я не дам перфекционизму сожрать моё будущее, — упрямо думала Алина, загружая первый эскиз в финальную папку экспорта, пока за окном неоновые медиафасады Питера отражались в глянцевых дорожках мокрого асфальта. — Книга выйдет сейчас, в этом месяце. На моих условиях.

При этом Алина принципиально отказывалась от скучных, описательных названий. Давать платьям имена по цвету или типу ткани — вроде «Красный шёлк» или «Лавандовый атлас» — казалось ей верхом прозы и банальности. Каждая модель в её каталоге была самостоятельным арт-объектом, художественным манифестом. Названия рождались как чистая поэти-

ческая абстракция, игра ассоциаций и настроения: тяжёлое портьерное платье с жёстким корсетом могло получить имя «Воздушная нежность», потому что оно дарило ощущение полёта, а легчайший шифон — назваться «Тёмным пламенем». Это был её осознанный концептуальный замысел: имя платья должно отражать его душу и философию, а не технические характеристики из чека на ткань.

Глава 7. Утонченный коктейль и геометрия. Финал

Тридцать дней жёсткого, бескомпромиссного дедлайна пролетели как одно стремительное, затаившее дыхание мгновение. Алина успевала всё: защищала сложные алгоритмы на кафедре, правила патентные бланки в перерывах между звонками на ресепшн и по ночам сводила сорок два эскиза в единый цифровой массив. В её тайном блокноте кутюрная капсула «Утончённый коктейль и геометрия» была финализирована последней. Это была чистая математическая победа над хаосом.

Презентация книги и закрытый показ цифровой коллекции «Кутюрная флора» состоялись в том же самом пентхаусе с видом на ночную Неву, где когда-то светские львицы пытались поймать её на незнании сортов сирени. Но в этот вечер правила игры диктовала она. Холодное панорамное остекление отражало огни большого города, смешивая их с мягким светом прожекторов.

Когда на огромных экранах один за другим начали сменяться роскошные, выстроенные в идеальный алфавитный ряд эскизы — от строгой «Каллы» до гипнотического «Колокольчика» — зал замер. Чёткая структура от А до Я, дополненная детальными арт-паспортами, а также тремя сочными, поэтичными манифестами для главных жемчужин коллекции, выглядела настолько монументально и профессионально, что у модных критиков не нашлось ни одного аргумента для ухмылок. Это был абсолютный триумф. Провинциалка с Авито, не имеющая диплома престижного модельера, уложила высокомерную питерскую тусовку на лопатки с помощью чистой геометрии и упрямого характера.

Павел подошёл к ней в самом конце вечера, когда гости уже начали расходиться. В его глазах больше не было привычного холодного цинизма — только бесконечное уважение и та самая глубокая, искренняя симпатия, которая когда-то зародилась между ними на собеседовании. Наперекор всему притихшему светскому обществу он протянул Алине лаконичный, безупречно собранный букет. Никакой аляпистой упаковки — только живые стебли, перевязанные строгой шелковой лентой. Алина опустила взгляд на цветы, и её математический мозг за секунду считал скрытый шифр старинного языка цветов: это были белые каллы и веточки нежных ландышей.

Павел без слов признавал её триумф. Калла манифестировала высшую степень преклонения перед её уникальным талантом, а ландыш объявлял возвращение искренности и начало их новой, честной эры. Между ними снова вспыхнула та самая нежная, магнетическая химия.

— Ты сделала невозможное, Алина, — тихо произнёс он, глядя на неё сверху вниз. — Ты не просто создала коллекцию. Ты заставила этот город снять свои оверсайз-мешки. Я горжусь тобой.

Алина мягко улыбнулась, впервые позволяя себе полностью расслабиться рядом с ним. Её пальцы коснулись прохладных лепестков каллы, и ледяная субординация, которую она так долго держала как щит, наконец-то окончательно растаяла, уступая место чему-то настоящему, теплomu и взаимному.

Эпилог. Свободный полет

Через три дня Алина сидела в глубоком кожаном кресле самолёта, летящего над ночными облаками. Когда лайнер набрал высоту, она посмотрела на спящего в соседнем кресле Павла, слегка повернувшего голову к окну, и поняла: хаос остался позади. Один месяц безумного дедлайна, когда ранункулюсы путались с анемонами, а ткани приходилось доставать со штурмом, закончился её безоговорочной победой.

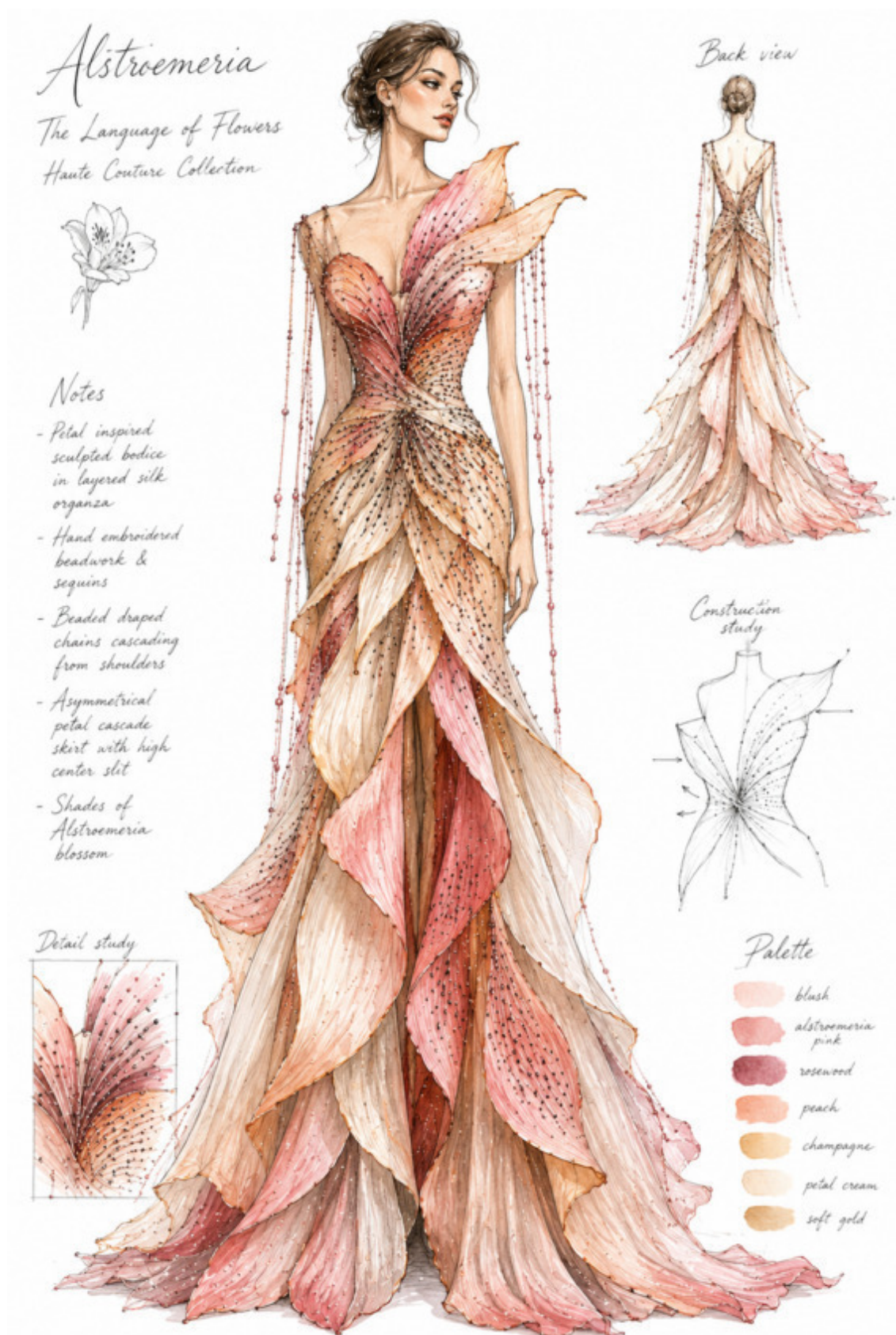
За окном-иллюминатором расстилалась бескрайняя темнота, прошитая искрами далеких звезд. Впереди её ждали крупные международные контракты, закупка эксклюзивных тканей в Дубае для будущих коллекций и защита масштабных IT-патентов. Жизнь стремительно набирала высоту. Один месяц ручного швейного ада закалил её, подарил настоящую любовь и сделал абсолютно свободной. Она доказала всему миру, что правила модных домов можно переписать, даже если у тебя нет диплома модельера. Перфекционист больше не пугал её — она укротила его, выстроив свою вселенную по строгому, идеальному алфавиту.

Алина ласково посмотрела на Павла, чувствуя абсолютное спокойствие, а затем достала из рюкзака планшет и провела пальцем по гладкому экрану. На чистом цифровом листе она вывела несколько новых названий для будущих набросков: «Шёлковый поцелуй», «Тайное свидание».

Девушка улыбнулась нового вдохновению, закрыла графический редактор и открыла первую страницу своего главного, выстраданного шедевра — алфавитного каталога, который навсегда изменит мир высокой моды. Пришло время показать им чистую, безупречную «Королевскую роскошь». Эра искренности, спрятанной за холодным фальшивым блеском, официально подошла к концу. Прямо сейчас начиналась новая прекрасная глава.

Часть II. Алфавитный каталог «Королевская роскошь»

Глава 1. Модель «Альстромерия» — Образ «Перуанский карнавал»

Легенда платья

Альстромерия (Alstroemeria) — это изысканный сюжет о мимолетности, хрупком балансе между уязвимостью и внутренней силой. В характере этого цветка, известного как «перуанская лилия», скрыта утонченная экзотика и поэтичная меланхолия уходящего тепла. Его альтер-эго

— нимфа ускользающей зари, загадочная и неуловимая муза, чье присутствие ощущается как легкое дуновение теплого ветра. Платье несет в себе эмоциональный посыл тихой, но магнетической женственности, нежной экспрессии и хрупкой грации, которая раскрывается лепесток за лепестком, увлекая в чувственный танец.

Арт-Паспорт

Силуэт: Излишне чувственный, струящийся кутюрный силуэт, балансирующий между классической «русалкой» и свободной полуприлегающей колонной. Общая геометрия выстроена вокруг мягких, закручивающихся линий, которые вытягивают пропорции тела и создают иллюзию абсолютной легкости и природной пластики.

Архитектура лифа: Тонкая асимметрия, воспевающая обнаженность. Линия плеч решена деликатно: одно плечо акцентировано плавно взмывающим вверх скульптурным лепестком, тогда как второе остается полуоткрытым, удерживаемым лишь невесомыми нитями. Мягкий V-образный вырез переходит в иллюзорное декольте.

Центральный бутон: Сложная многослойная лепка корсажа из шелковой органзы (Petal inspired sculpted bodice), сходящаяся в единый узел на талии. Ткань на груди и торсе задрапирована тонкими радиальными складками, создавая эффект плотно закрытого бутона, готового вот-вот распуститься от одного прикосновения.

Линия бедер и баска: Изящное анатомическое облегание бедер без утяжеления классической баской. Динамику и объем формирует каскад асимметричных лепестков (Asymmetrical petal cascade skirt), которые плавно обнимают изгибы и ниспадают вниз, создавая сложную живую текстуру, подчеркивающую хрупкость женской фигуры.

Подол и струящийся шлейф: Драматичный, летящий подол с акцентным высоким разрезом по центру (high center slit). Он состоит из сотен хаотично наложенных друг на друга лепестков разной длины. При шаге ткань ведет себя легко и воздушно, взлетая от малейшего движения и обнажая ноги в обрамлении шелковой пены шлейфа.

Кутюрный узел: Главная уникальная деталь — ниспадающие с плеч и корсажа бисерные цепи (Beaded draped chains), инкрустированные пайетками. Эти тончайшие хрустальные нити каскадом струятся вдоль рук и бедер, имитируя стекающие капли тропического дождя или застывшие слезы утренней росы.

Тактильная карта

Ткани-компаньоны: Высокохудожественный союз многослойной формодержащей шелковой органзы (layered silk organza), невесомого шелкового фатина и нежнейшего полупрозрачного шифона. Жесткость лепестковых каркасов безупречно компенсируется летящей текстурой и мягкостью драпировок.

Цветовая палитра: Акварельное омбре и сложные благородные градиенты. База платья решена в оттенках шампанского (champagne), кремового лепестка (petal cream) и мягкого золота (soft gold). Они плавно перетекают в нежный румянец (blush), фирменный розовый оттенок альстромерии (alstroemeria pink) и глубокий тон увядающей розы (rosewood).

Световая иллюзия: Под софитами платье буквально оживает благодаря россыпи ручной вышивки бисером и пайетками (Hand embroidered beadwork & sequins). Оно не дает ртутного блеска, а деликатно мерцает влажным восковым гляncем, словно лепестки экзотического цветка покрыты свежей росой. В движении мелкие кристаллы вспыхивают деликатными искрами, создавая иллюзию внутреннего свечения.

Характер и повод

Настроение: Ускользающая нежность, хрупкая эротичность, поэтический романтизм и загадочная экзотика. Образ дышит теплым предзакатным солнцем, создавая ауру абсолютной недостижимости и манящего шарма.

Событие: Закрытый благотворительный бал в цветущих садах Ривьеры, кутюрный выход на красной дорожке весеннего фестиваля искусств или романтический вечерний прием, где визуальная поэзия образа должна покориť публику.

Шлейф образа: Асимметрия лифа и бисерные цепи требуют собранных волос — мягкого, текстурного низкого пучка с выпущенными у лица воздушными прядями. Из украшений — тончайшие, длинные серьги-продевки из розового золота с каплями розового кварца или морганита.

Парфюмерный автограф: Чувственный, пудрово-цветочный аромат. Верхние ноты сочного персика и розового перца, переходящие в нежное сердце из белой лилии, альстромерии и майской розы на теплой, обволакивающей базе из сливочного сандала и кашмерана.

Музыкальное эхо: Звучание акустической гитары в дуэте с флейтой. Легкие, перебористые, ускользающие аккорды, которые вторят каждому воздушному взмаху лепестков на подоле при шаге.

Глава 2. Модель «Анемон» — Образ «Графичное сердце»

Легенда платья

Это гимн трепетному предвкушению, скрытой защите и хрупкой внутренней силе (Anemone — symbol of anticipation, protection and fragile inner strength). В характере платья «Анемон» заложен глубокий эмоциональный контраст: его лепестки трепещут от малейшего дуновения ветра, но сердце остается абсолютно непоколебимым (Its petals move with the wind, yet the heart remains unshaken). Его альтер-эго — женщина с обнаженной, чувствительной душой и нестигаемой волей. Сюжет наряда — пульсация живой страсти, закованная в строгие, каллиграфические контуры кутюра.

Арт-Паспорт

Силуэт: Скульптурный, точеный силуэт «годе» с идеальным, анатомическим приталением. Кутюрная геометрия вытягивает пропорции фигуры, создавая иллюзию тонкого стебля, который завершается драматичным, экспрессивным взрывом многослойной юбки. Спина решена через глубокий, графичный V-образный вырез (Back view), подчеркивающий хрупкость и статность осанки.

Архитектура лифа: Вырез в форме глубокого, чувственного сердца. Линия декольте оформлена асимметрично взлетающими вверх, волнистыми краями плотных лепестков. Острые, фактурные края лифа создают сложный рельеф, приоткрывая плечи и ключицы и формируя дерзкий, но утонченный кутюрный каркас.

Центральный бутон: Роль «Графичного сердца» и главного композиционного центра выполняет глубокая, темная зона межгрудья. Она инкрустирована сложной, плотной лепкой из угольно-черного бисера и кристаллов. От этого мистического центра по всему телу спиралью закручивается рельефная волна, имитирующая завораживающую пластику распускающегося цветка.

Линия бедер и баска: Контур бедер плотно обтянут гладкой, безупречно посаженной тканью. Вместо традиционной баски здесь использован вертикальный, закручивающийся волан-лепесток из двухсторонней органзы. Он берет начало от лифа, наискось пересекает талию и спускается по бедру, визуально сужая осиные пропорции без лишнего утяжеления.

Подол и струящийся шлейф: Роскошный, монументальный подол от линии колен раскрывается каскадом летящих, волнистых воланов, плавно уходящих в тяжелый круговой шлейф. Многослойная конструкция подола соткана из чередования полупрозрачных и плотных тканей, благодаря чему при каждом шаге юбка «дышит» и вибрирует, создавая иллюзию живого движения на ветру.

Кутюрный узел: Уникальная ювелирная инкрустация швов (Petal construction & beading detail). Черный мерцающий бисер тонкими графичными линиями-капиллярами расходится от центра бутона по рельефным краям лепестков, создавая каллиграфический контур и подчеркивая сложную архитектуру кроя.

Тактильная карта

Ткани-компаньоны: Роскошный кутюрный альянс нежного, заложенного вручную мелкими складками шелкового шифона (Hand-pleated silk chiffon) и жесткой, формодержащей многослойной органзы (Layered organza petals) с лазерной обработкой волнообразного края.

Цветовая палитра: Безупречный художественный градиент и омбре (Delicate ombre shading). Ткань плавно перетекает от глубокого, бархатистого угольно-черного и полуночного нуара в сердцевине бутона к сочному, взрывному алому, пламенному кармину и деликатному пудрово-розовому цвету на самых краях летящих лепестков юбки.

Световая иллюзия: Абсолютная игра контрастов. Плиссированный шифон основы и матовые черные складки поглощают свет, создавая драматичную глубину. В то же время тончайшие края лепестков из органзы светятся на просвет под софитами, а бисерные нити дают деликатный, ртутный блеск при каждом повороте фигуры.

Характер и повод

Настроение: Экспрессивное, страстное, глубоко эмоциональное, но облаченное в строгую, недостижимую кутюрную элегантность.

Событие: Грандиозное открытие международного фестиваля искусств, закрытый благотворительный бал, красная дорожка high-fashion или премьеры в Ла Скала.

Шлейф образа: Высокая, слегка небрежная французская прическа (текстурный пучок) с выпущенными у лица прядями. Из украшений — только крупные асимметричные серьги из черненого золота с каплями рубинов или благородной шпинели, повторяющие форму лепестков анемона. Шея остается полностью открытой.

Парфюмерный автограф: Драматичный, чувственный аромат. Ноты дикого красного анемона, сочной черной смородины, пряного розового перца, белого мускуса и пудрового ветивера.

Музыкальное эхо: Экспрессивные, глубокие и вибрирующие партии виолончели, переходящие в стремительное, чувственное скрипичное танго с резкими акцентами.

Глава 3. Модель «Антуриум» — Образ «Атласный секрет»

Легенда платья

Антуриум — это манифест скрытой драмы, застывшая в шелке экспрессия первозданной природы. В характере этого цветка нет мягкости, но есть гипнотическая, опасная чувственность. Его альтер-эго — роковая женщина-загадка, которая не заигрывает с миром, а диктует ему свои правила. Платье транслирует абсолютную уверенность, граничащую с вызовом. Это визуальный сюжет о пробуждении внутренней силы, где хрупкость цветка превращается в глянцевую броню, а каждый шаг становится актом высокого искусства.

Арт-Паспорт

Силуэт: Радикально приталенный кутюрный силуэт «русалка» (mermaid), обладающий строгой, почти скульптурной геометрией. Пластика кроя вытягивает пропорции, превращая женское тело в стебель экзотического растения.

Архитектура лифа: Дерзкая и бескомпромиссная асимметрия. Одно плечо остается полностью обнаженным, подчеркивая хрупкость ключиц. Противовесом выступает монументальное, взмывающее вверх архитектурное крыло, имитирующее покрывало антуриума.

Центральный бутон: Сложная, анатомически выверенная лепка корсажа, которая визуально сужает талию до предела. Лиф буквально «прорастает» из центральной оси, переходя в жесткую кутюрную чашу, форму которой держит скрытый каркас.

Линия бедер и баска: Абсолютное, бескомпромиссное облегание бедер без классической баски. Вместо нее объем и динамику создают фактурные, рельефные жилки, которые плавно огибают изгибы тела, не утяжеляя фигуру, а лишь подчеркивая ее природный магнетизм.

Подол и струящийся шлейф: Низ платья раскрывается драматичным, каскадным шлейфом. Конструкция подола имитирует раскрывающиеся лепестки, обнажая при шаге глубокую темную подкладку. Ткань ведет себя величественно: она не летит, а тяжело и плавно перекачивается по полу.

Кутюрный узел: Роскошный ювелирный «початок» (spadix), инкрустированный россыпью золотых бусин, цитринов и благородного желтого жемчуга. Он зажат в тисках глянцевых лепестков лифа, концентрируя на себе весь свет и драматизм композиции.

Тактильная карта

Ткани-компаньоны: Бескомпромиссный дуэт лакированного шелка высокой плотности с эффектом жидкой кожи и тончайшей, ювелирно выделанной кожи для создания объемных вен. С изнанки платье окутано глухим, тяжелым матовым бархатом, создающим тактильный контраст.

Цветовая палитра: Доминирующий глянцевый алый (glossy anthuri-red), переходящий в глубоких складках в драматичный винный и густой бургунди (deep burgundy). Акценты расставлены античным золотом (antique gold) и контрастной матовой зеленью лесного мха (moss green).

Световая иллюзия: Под софитами платье ведет себя как живой, покрытый росой лепесток. Оно дает густой, влажный, восковой глянец. На изгибах свет преломляется в ртутные, почти зеркальные блики, в то время как матовая бархатная подкладка полностью поглощает лучи, создавая эффект бездонной тени.

Характер и повод

Настроение: Хищная элегантность, царственная отстраненность и скрытая экспрессия. Образ окутан аурой недостижимости и магнетического превосходства.

Событие: Красная дорожка Каннского кинофестиваля, закрытый кутюрный бал или премьера авангардной оперы, где нужно не просто присутствовать, а доминировать в пространстве.

Шлейф образа: Никаких коле — линия шеи должна оставаться чистой. В ушах — лаконичные, но крупные серьги-каффы из полированного золота, повторяющие форму прожилок.

Прическа — высокая, слегка небрежная кутюрная текстура, открывающая спину и точеную линию шеи.

Парфюмерный автограф: Сложный, нишевый аромат. Тяжелая, плотская черная орхидея, приправленная аккордами влажной древесины, горького красного перца и дорогой, дымной кожи с металлическим подтоном.

Музыкальное эхо: Виолончельное соло. Глубокий, тягучий, драматичный звук струн, вибрирующий в такт уверенным шагам.

Глава 4. Модель «Бегония» — Образ «Ванильный мусс»

Легенда платья

«Бегония» — это гимн скрытой страсти и роковой меланхолии. Характер цветка лишен наивной весенней легкости; это осеннее увядание на пике своей абсолютной, порочной красоты. Ее альтер-эго — темная королева, которая выходит на свет только в сумерках. В каждом изгибе ткани читается драма характера: внешняя скульптурная строгость черного бархата сдерживает бушующий, раскаленный пожар шелковых лепестков. Платье несет мощный эмоциональный посыл — торжество женской власти, которая не просит внимания, а молча подчиняет себе пространство.

Арт-Паспорт

Силуэт: Скульптурный готический силуэт «русалка» с радикальной, драматичной асимметрией, где левая сторона олицетворяет строгую архитектурную графику, а правая — безудержную органическую пластику распускающегося бутона.

Архитектура лифа: Асимметричное обнаженное декольте с открытым левым плечом. Правая сторона увенчана грандиозным воротником-крылом, который взлетает вверх, обрамляя шею и лицо, словно раскрывшийся чашелистик.

Центральный бутон: Сложная корсетная лепка, имитирующая прожилки листа бегонии. Плотный черный бархат сужается к талии, создавая эффект осинового силуэта, из которого вихрем вырываются багровые складки шелка.

Линия бедер и баска: Бескомпромиссное облежание бедер переходит в каскадную асимметричную баску из шелковой файи на правом бедре. Она ложится рваными, живыми волнами, не утяжеляя бедра, а визуальным вытягивая вертикаль за счет игры света и тени.

Подол и струящийся шлейф: Шлейф решен как бурлящий поток лепестков. Сзади и справа подол взрывается многослойными воланами, которые при шаге создают иллюзию падающей листвы или тлеющих углей, плавно тянущихся за хозяйкой.

Кутюрный узел: Главная уникальная фишка — ручная ювелирная вышивка черной шпигелью вдоль рельефных краев воротника и юбки. Тысячи мелких бусин имитируют капли ночной росы на прожилках бегонии, создавая гипнотический контур.

Тактильная карта

Ткани-компаньоны: Королевский глубокий черный бархат (плотный, матовый, поглощающий очертания) и шелковая фая (формодержащая, сочная, с благородным сухим хрустом и выраженной текстурой) в винных оттенках.

Цветовая палитра: Сложный драматический градиент от глухого графита и черного вельвета к глубокой сливе (plum), темному бургунди, взрывному малиново-коралловому (crimson coral) оттенку на самых краях лепестков.

Световая иллюзия: Абсолютный контраст световых температур. Бархат полностью поглощает свет софитов, создавая провалы глухой темноты, в то время как шелковая фая вспыхивает изнутри влажным, восковым глянцем, а шпигель мерцает острыми искрами при малейшем движении.

Характер и повод

Настроение: Величественное, властное, завораживающее и порочно-элегантное. Отрешенность и роковая притягательность в одном флаконе.

Событие: Премьера в Ла Скала, закрытый бал в старинном палаццо или красная дорожка кинофестиваля с жестким дресс-кодом Black Tie Haute Couture.

Шлейф образа: Высокая, нарочито небрежная итальянская прическа с тонкими выпущенными прядями у лица. Из украшений — только крупные серьги-шандельеры из черненого золота с рубинами или гранатами. Шея и запястья остаются обнаженными.

Парфюмерный автограф: Тяжелая, мистическая парфюмерия. Ноты горького темного шоколада, увядающей бордовой розы, черного перца, ладана и влажной древесной коры.

Музыкальное эхо: Виолончель соло. Глубокий, вибрирующий, слегка надрывный звук, подчеркивающий каждый шаг и шорох тяжелого шелкового подола.

Глава 5. Модель «Белладонна» — Образ «Ночная симфония»

Легенда платья

«Белладонна» — это завуалированная угроза, облаченная в абсолютную красоту. Образ вдохновлен прекрасным, но смертоносным цветком, чьи темные ягоды манят, а яд дарит сладкое забвение. Её альтер-эго — роковая женщина, интриганка высшего света или темная королева, которая управляет судьбами с помощью полусшепота. Эмоциональный посыл наряда — гипнотическая опасность. Платье не заигрывает и не просит внимания, оно заставляет подчиняться. Это манифест фатальной страсти и абсолютной, неприкрытой власти женского магнетизма.

Арт-Паспорт

Силуэт: Магический силуэт «русалка» (Mermaid-gowns) с экстремально жесткой, утягивающей посадкой по бедрам, переходящий в каскад остроконечных, готических лепестков, которые шлейфом стелются по полу.

Архитектура лифа: Глубокое, чувственное декольте в форме закругленного «сердца» (Sweetheart neckline). Жесткие чаши лифа переходят в плечевые «эполеты», собранные из сотен мелких, острых лепестков органзы, напоминающих перья мифической птицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.